

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.М. Акматалиева

Феномен «цветных революций» в политической науке остается открытой проблемой для широкого изучения. На сегодняшний день основной дискурс по данной проблеме напрямую отражает политическую пристрастность самих исследователей. Так, в оценках грузинской «революции роз» 2003 г., украинской «оранжевой революции» 2004 г. и кыргызской «тюльпановой революции» 2005 г. среди русскоязычного академического сообщества доминирует «геополитический детерминизм». Изменение ментального кода постсоветского человека, ориентирование его на европейские ценности и, как результат, адаптация европейских политических ценностей и институтов, ограничение российского влияния на развитие постсоветского пространства представляется главной задачей¹.

Действительно, одним из важных индикаторов «цветных революций» стало изменение геополитической ориентации государств в сторону Запада, как воля вступить в ЕС и НАТО и широкое участие в европейских инициативах со стороны Грузии и Украины. Но необходимо также отметить, что «цветные революции» дали толчок развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве: в ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенном союзе, Евразийском союзе центром интеграции выступает Россия, осознающая рост влияния иностранных государств в ее традиционной сфере стратегических интересов. Исходя из чего, можно утверждать о позитивной роли «цветных революций»

для интересов России на постсоветском пространстве.

Западные аналитики в основном дают дескриптивный анализ, применяя индуктивный подход к «цветным революциям»², стремясь опровергнуть обвинения в экспорте революций Западом, не находя прямых доказательств финансовой или материальной поддержки оппозиционных сил в этих государствах и рассматривая грузинский, украинский и кыргызский сценарий по отдельности, не сводя их в общую парадигму транзита. Сама парадигма транзита опровергается, из-за наличия «серых зон», т.е. государств с неопределенными политическими целями. Прямое и целевое финансирование западными государствами «цветных революций» сложно доказать, однако образовательные программы, нацеленные на изменение сознания «культурного ядра» этих государств, многочисленные программы по поддержке демократических реформ, либерализации экономики, развития гражданского сектора и молодежных инициатив можно рассматривать как часть soft power, стратегически оправданного с точки зрения долгосрочных результатов. Они правы в том, что любая помощь со стороны западных доноров не проводилась без желания самих правящих режимов, спекулировавших на идее демократии и многообещающих реформах.

Вместе с тем некоторые грузинские, украинские и кыргызские эксперты склонны преувеличивать роль таких внутренних факторов, как низкий уровень

социально-экономического развития, коррумпированность, отсутствие свободы слова, доминирование одних региональных элит и невозможность доступа к власти других и т.д.³ При этом нельзя забывать о том, что ни одна держава не в состоянии мобилизовать недовольных в какой-либо стране, если только таковыми не является критическая масса (активная часть общества, готовая открыто выражать свое недовольство и гражданскую позицию). А с другой стороны, оппозиция, лишённая финансовой, материальной поддержки вне государства, тоже не может мобилизовать недовольных и поддерживать протестное настроение в обществе. В целом причины «цветных революций» можно подвести к трем категориям:

Отсутствие диалога между правящей элитой и оппозицией. Большинство постсоветских государств декларируют намерение провести политическую модернизацию, направленную на демократизацию системы в целом, развитие гражданского общества, партийной системы, транспарентности власти, электорального процесса, плюрализма, политических свобод и т.д. Однако *de facto* демонстрируют закрытость и коррумпированность правящей элиты, имитацию честных выборов, создание таких квазидемократических институтов, как партии власти, представительные органы (общественный совет, курултай). Это в конечном итоге приводит, с одной стороны, к маргинализации политической оппозиции, путем ее частичного или полного исключения из процесса принятия решений или возможности оказания влияния на нее. А с другой стороны, к торможению собственного развития правящей элиты, априори не подвергающей свою легитимность критике в течение нескольких лет или десятков лет. Более того, если раньше монархии объединялись против антимонархистов и республиканцев, то теперь авторитарные лидеры активно задают дискурс о своей легитим-

ности как о некоей гарантии стабильности в масштабах региона в контексте новых угроз современности.

Отсутствие легитимности выборов на всех уровнях и игнорирование ожиданий граждан. Правящая элита, основывающая свою легитимность только на легальности, стала нормой практически во всех постсоветских государствах. Фальсификация итогов голосования, использование широкого административного ресурса, монополизация СМИ и других каналов связи с общественностью, заблаговременное устранение политических конкурентов, путем их исключения из публичной политики и их маргинализация в конечном итоге толкают оппозицию на необходимость играть по правилам правящих кругов. Как, например, объявление заранее итогов голосования нелегитимными, использование протестных выступлений как способ давления на власть, создание собственных источников информации и использование Интернета (социальные сети), игра ва-банк (либо все, либо ничего), требование конституционного закрепления политического плюрализма.

Отсутствие смены власти или открытого процесса рекрутирования правящей элиты. Любая относительно сильная и эффективная правящая элита теряет свою дееспособность в силу старения и отсутствия обновления новыми кадрами. Политика постоянства и запугивание угрозой дестабилизации в случае смены власти приводит скорее к стагнации, когда только «цветные революции» способны придать новый толчок в развитии и стать единственной альтернативой для недовольных режимом прийти к власти. Естественная смена политически активных граждан, уже познавших плоды западного образования и имеющих опыт сравнения политических систем, отдающих предпочтение эффективному институту государства, а не сильному режиму, укрепляющему свою власть, меняет предпочтения электората.

На сегодняшний день существует дефицит в системном изучении «цветных революций» в контексте процессов на арабском Востоке 2011 г., протестных движений в России и Казахстане (Жаньюзен) 2012 г., которые показывают некий тренд в развитии современных государств, направленный на изменение *status quo*, т.е. смену авторитарных режимов путем «цветных технологий». Можем ли мы утверждать, что «бархатные и цветные революции» являются показателем четвертой волны демократизации, по С. Хантингтону?

Другой недостаток связан с анализом процессов, имеющих место в «постцветнореволюционных» государствах, демонстрирующих схожесть проводимых реформ и процесса формирования политических ценностей. В этом контексте, на мой взгляд, исследование проблемы адаптации парламентской формы правления как ключевого драйвера политических преобразований можно рассматривать как, с одной стороны, попытку закрепить революционные достижения, а с другой стороны, как трамплин демократизации, обозначенный еще в первые годы суверенитета.

В государствах, где имели место так называемые «цветные революции»: Грузия (2003 г., «революция роз»), Украина (2004 г., «оранжевая революция») и Кыргызстан (2005 г., «тюльпановая революция»), мы можем наблюдать процессы, направленные на демократизацию политической системы в целом. Условиями для «цветных революций» и будущих реформ стали наличие гражданского общества, свободных СМИ и кризис легитимности режима.

Демократизация политической системы началась с конституционной реформы, направленной на изменение формы правления с президентско-парламентской на парламентско-президентскую систему (Украина, Грузия) и парламентскую (Кыргызстан). Эти реформы сопровождаются: во-первых,

перманентным политическим кризисом (конституционный кризис, внеочередные референдумы и выборы президента, парламента; правительственный кризис), что в совокупности приводит к перманентному дефициту легитимности проводимых реформ. Во-вторых, непоследовательной внешнеполитической деятельностью государств, преимущественно связанной с активизацией геоэкономического и геополитического влияния России на внутривнутриполитические процессы Грузии, Украины и Кыргызстана и соответственно упомянутому процессу актуализации интеграционных процессов. Результатом оказываемого влияния стал конфликт по Южной Осетии между Грузией и Россией, а в Украине и Кыргызстане — формирование про-российски настроенного политического истеблишмента. В-третьих, открытыми и латентными формами напряженности в межэтнических отношениях внутри государств и их территориальной целостностью: Грузия (Южная Осетия, Абхазия), Украина (крымский вопрос) и Кыргызстан (межэтнический конфликт на юге страны 2010 г.).

Вопрос об изменении формы правления во всех трех государствах рассматривался как ключевой механизм предотвращения и профилактики усиления авторитарных тенденций, семейного правления, как поощрение политического плюрализма, мотивирование оппозиции на конструктивную деятельность, развитие гражданского общества и политических партий, снижение уровня коррупции и т.д. Однако, как показывает опыт, конституционная реформа во всех трех государствах проводилась в интересах правящих элит и преследовала цель легитимации «цветных» лидеров. На президентских выборах сразу после «цветных революций» новые лидеры одержали победу: М. Саакашвили около 95% (4 января 2004 г.), В. Ющенко 51,99% (25 января 2005 г.) и К. Бакиев (23 июля 2005 г. — 81%). После изменений, вне-

сенных в Конституцию государства на последних президентских выборах, «цветные» лидеры получили: М. Саакашвили — досрочные выборы президента 5 января 2008 г. — 53,4%; К. Бакиев — 23 июля 2009 г. — 76,4% (был смещен в апреле 2010 г.), а В. Ющенко уступил В. Януковичу. Таким образом, из трех «цветных» лидеров остался только М. Саакашвили, успешно демонстрирующий пример «грузинского чуда»⁴ по антикоррупционной политике.

Почему именно парламентская форма правления стала актуальной и наиболее приемлемой в условиях Грузии, Украины и Кыргызстана, можно объяснить следующими факторами:

- легитимизацией новых правил игры с помощью выборного органа с сосредоточением основных функций у парламента;
- презентацией интересов региональных элит на основе их партийного

представительства, что позволяет в рамках правового поля находить компромиссы и исключать протестные настроения;

- обеспечением прозрачности законотворческого процесса;
- способствованием развитию партийной системы и стимулированием их конкурентоспособности;
- политической коммуникацией между центром и периферией;
- представленностью этнических групп и женщин (в Кыргызстане каждым четвертым в списке партий, идущих на выборы, должна быть женщина) в итоге обеспечивается и гендерный баланс.

В целом «цветные революции» способствовали развитию в целом гражданского общества, развитию партийной системы, парламентаризма, прозрачности деятельности государственных органов, политической культуры и электорального процесса.

¹ См.: Кара-Мурза С. Экспорт революции. М., 2006; Кыргызский переворот. Март — апрель 2005 г.: сборник статей / сост. Г.О. Павловский. М., 2005; Князев А.А. Государственный переворот в Киргизии. Бишкек, 2005. [Kara-Murza S. Export revolutsyi. M., 2006; Kyrgyzskiy perevorot. Mart-aprel' 2005: Sbornik statei. / Sost. G.O.Pavlovskiy M., 2005; Knyazev A.A. Gosudarstvennyi perevorot v Kitgizii. Bishkek, 2005.]

² См.: Cummings S. Situating the “Tulip Revolution” // S. Cummings, M. Ryabkod // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. № 3–4. P. 241–252; Cummings S. Introduction: ‘Revolution not Revolution’ // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. № 3–4. P. 223–228; Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy. 2008. ol. 19. № 3. P. 55–69; Radnitz S. What really Happened in Kyrgyzstan? // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. № 2, P. 132–146.

³ См.: Весна 2005 года глазами кыргызстанцев: тревоги, ожидания, надежды (устные истории). Бишкек, 2005; Казакпаев М. Есть три кита... Перспективы расстановки политических сил в Кыргызстане в постмитинговый период // Общественный рейтинг. 2006. № 43 (314); Омаров Н. Эволюция политической системы Кыргызстана в 90-е годы XX — начале XXI века: итоги и перспективы демократического строительства. URL: <http://www.centrasia.ruA/1112537220>; Пичхадзе Ш. Грузия после ноября 2003 года: достижения, тенденции // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1(37) и др. [Vesna 2005 goda glazami Kyrgyzstana: trevogi, ozhidaniya, nadezhdi (ustnyie istorii). Bishkek, 2005; Kazakpaev M. Est' tri kita... Perspektivy rasstanovki sil v Kyrgyzstane v postmitingovyi period // Obshchestvennyi reiting. 2006. № 43 (314); Omarov N. Evolutsiya politicheskoi sistemi Kyrgyzstana v 90-e godi XX nachale XXI vekov: itigi i perspektivi demokraticheskogo stroitel'stva. URL: <http://www.centrasia.ruA/1112537220>; Pichhadze Sh. Gruziya posle noyabrya 2003 goda: dostizheniya, tendentsiyi // Tsentralnaya Aziya I Kavkaz. 2005. № 1 (37), 2005 i dr.]

⁴ Шешелидзе П. После «революции роз»: некоторые итоги грузинских реформ. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/308/> (дата обращения: 06.04.2009 г.). [Sheshelidze P. Posle “revolutsiyi roz” nekotoryie itogi gruzinskih reform. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/308/> (date of access 06.04.2009 г.)]